

Вера

Как СВЯТЫЕ боролись за Церковь

*Из истории мы знаем — Церковь не раз пытались
сделать марионеткой в политических играх.
Не раз для верующих наступало время испытаний,
время, когда среди христиан открывались
подлинные исповедники, готовые ради Христа
и Его Церкви пожертвовать всем — даже жизнью.
В этом номере «Фомы» мы рассказываем
истории трех таких людей.*

Максим Исповедник и «православные политтехнологи»

VII век после Рождества Христова. Восток Византийской империи охватил очередной церковный раскол: в Сирии, Палестине и Египте продолжает распространяться осужденная на Четвертом Вселенском Соборе (451 г.) ересь монофизитства, утверждавшая, что во Христе только одна Божественная природа, а не две — Божественная и человеческая, как учит Церковь, и не признававшая тем самым Спасителя в качестве подлинного Богочеловека. Это не только разрушает единство Церкви, но и создает реальную угрозу территориальной целостности империи.

Дошло до того, что императору Ираклию, прибывшему во время военного похода в город Эдесса (юго-восток современной Турции), в местном храме отказали в причастии. Епископ-монофизит потребовал от него всенародно осудить постановления Собора, чего Ираклий сделать не мог. И тогда Константинопольскому Патриарху Сергию пришлось на ум новое учение о Христе, которое должно было примирить расколовшихся верующих. Император и большинство епископов поддержали Патриарха.

Только один монах выступил против этого нововведения, уверяя всех, что *такое* примирение — путь к новой ереси. Это был преподобный Максим Исповедник.

Учение, созданное Патриархом Сергием, в богословской науке известно как монофелитство, на первый взгляд показалось тогда совершенно безобидным. Твердо отстаивая догмат о двух природах в Спасителе — Божественной и человеческой — он утверждал существование в Нем лишь одной, Божественной воли, будто бы полностью растворившей в себе волю человеческую.

Из этого учения следовало, что Иисус на протяжении всей Своей земной жизни действовал и поступал только как Бог, управляя человеческим телом подобно тому, как при помощи компьютерной системы управляется сегодня робот. Но это означало, что полного преображения человеческой природы во Христе так и не произошло: воля человека осталась укорененной во грехе, осталась не исправленной Богочеловеческим действием.

Однако императору это учение приглянулось. Он решил воспользоваться им, чтобы примирить монофизитов и православных христиан и тем самым пресечь сепаратистские поползновения. Без колебаний он подписал составленный Патриархом Сергием эдикт, предписыва-

вавший всем членам Церкви исповедовать монофелитское учение в качестве догмата. За считанные годы новая ересь охватила всю огромную территорию империи.

Обвинены в государственной измене

Преподобный Максим — тогда уже известный монах-богослов — с дотошностью ученого изучил провозглашенный в Константинополе «догмат». За тонкими хитросплетениями монофелитства нелегко было распознать глубинное искажение христианского учения, но святой, глубоко исследовав доступные ему тексты святых отцов и Писание, сумел разработать последовательное разоблачение новой ереси.

«Сам «Бог всяческих», — говорил преподобный Максим в Карфагене во время публичного диспута с одним из главных идеологов монофелитства, — без превращения став человеком, не только как Бог **желал** сообразно Его Божеству, но — и как человек, сообразно Его человечеству».

Его оппонент диспут в итоге провалил и после окончания прений всенародно отрекся от ереси. Западные епископы и Папа Римский* поддержали Максима Исповедника.

Осенью 649 года в Риме на Латеранском Соборе, где вновь выступал святой Максим, Папа Мартин осудил монофелитскую ересь. Казалось, судьба учения предрешена. Однако Константинополь решение Собора понял по-своему.

Новый император Констант, понимая, что действия Папы и святого Максима подрывают политический проект примирения еретиков и христиан, потребовал от своего военачальника в Равенне в срочном порядке конвоировать Папу в столицу. На суде его обвиняли в «государственной измене», требовали аннулировать решение Латеранского Собора, но Папа остался непреклонен. Свою жизнь он окончил в ссылке — в Херсонесе.

Настал черед преподобного Максима. В мае 655 года корабль с арестованным святым на борту прибыл в столичный порт. Через несколько дней преподобный предстал перед судом.

«Если и весь мир причастится, я один не причащусь»

«Христианин ли ты!?» — взревел председатель суда, когда в зале наконец установилась тишина.

* Здесь, говоря о Папе Римском, нужно помнить, что в то время (649 год) Церковь еще не раскололась на Западную и Восточную, поэтому речь идет о римском епископе, а не о Папе в современном понимании как главе отдельной Католической Церкви. Великая Схизма, закрепившая раскол Церкви на католическую и православную, произойдет только в 1054 году. — *Ред.*

«Благодатью Христа, Бога всяческих, я христианин», — кротко ответил святой.

«Это неправда!» — с напускным благочестием возопил председатель.

Начался допрос. Председатель и так, и этак пытался уловить исповедника, забрасывал его вопросами, выдвигал самые разные обвинения, но Максим с разумной твердостью и смирением последовательно опроверг все сказанное против него. Потом в зал суда стали приводить «свидетелей», избличающих различные «преступления» Максима. Но и их клевета рассыпалась перед достоинством ответов святого. Судебное заседание окончилось ничем. Процесс над противником ереси затянулся на долгие годы.

Преподобного то держали в темнице, то приводили на допросы, то высылали с конвоем из столицы, то возвращали обратно. К нему приходили епископы и вельможи, уговарива-

ли его, сулили награды и звания, которыми осыплет его император, как только он прекратит упорствовать, говорили, что вся Церковь вместе с Константинопольским Патриархом уже исповедует монофелитство.

«Поистине вся сила неба не заставит меня сделать это, — с незлобивой простотой отвечал им монах, — ибо что отвечу — не говорю Богу, но моей совести, — если бы ради славы человеческой, самой по себе не имеющей никакого существования, клятвенно отрекся я от веры, спасающей любящих ее?»

Все время судебного процесса преподобный держался с достоинством, не позволяя себе ни резких выпадов, ни патетических восклицаний о неминуемой каре, которая настигнет его обидчиков. Он был вежлив, сдержан и спокоен. «Когда ты оскорблен кем-нибудь или в чем унижен, — писал святой, еще будучи на свободе, в «Главах о любви», — берегись помы-

слов гнева, дабы они, по причине этого оскорбления отлучив тебя от любви, не переселили в область ненависти».

На последнем заседании судья, перед тем как огласить приговор, уже без особенной надежды сломить преподобного Максима спросил, что он будет делать, когда узнает, что и римские епископы приняли монофелитство и причастились (то есть вступили в церковное общение) с Патриархом.

«Если и весь мир причастится, я один не причащусь», — ответил ему исповедник.

Его предали анафеме, отрезали руку и язык и отправили в ссылку на Кавказ, где он вскоре скончался.

Через 18 лет после смерти Максима Исповедника, на Шестом Вселенском Соборе ересь монофелитства была осуждена, а позднее ее главный противник был реабилитирован и прославлен в лике святых.

Столь быстрая реакция Церкви на провозглашенное Константинополем учение показывает, что, в отличие от императорского двора, едва ли кто из епископов действительно разделял положения этой ереси. Молчание, которым сопровождалась судебная «расправа» над Папой Мартином и преподобным Максимом, изобличало скорее обычный человеческий страх, чем богословскую позицию: иерархи просто боялись разделить участь исповедников. И этот страх оказался настолько сильным, что даже на заседаниях Шестого Вселенского Собора имя главного противника монофелитства предпочитали не упоминать, дабы ненароком не разгневать царскую особу.

Тем значительнее выглядит подвиг одинокого монаха, написавшего когда-то пронзительные слова: «Любовь есть путь истины, и ею называет Себя Слово Божие... Ради этой любви все святые до конца противостояли греху, не заботились о здешней жизни и стойко сопротивлялись многовидным способам смерти, дабы, (уходя) от мира, сочетаться с самими собой и с Богом... Любовь есть истинное и безупречное богомудрие верных, концом которого является Благо и Истина».

Марк Эфесский
и спасители родины

XV век после Рождества Христова. Прошло уже четыре столетия с того момента, как Церковь трагически раскололась на Западную и Восточную. За это время римо-католики приняли несколько догматов, которые с точки зрения православных противоречили постановлениям Вселенских Соборов: Filioque (учение о том, что Дух Святой исходит не только от Отца, но и от Сына), учение о чистилище, сформировалась идея главенства Папы над епископами всех остальных Поместных Церквей. Отныне воссоединение Запада и Востока могло осуществиться толь-

ко после осуждения этих догматических нововведений самим Римом.

Византийская империя тем временем изнемогала в бесконечных столкновениях с турками-османами. Войны эти для христианского государства стали непосильной ношей: казна стремительно пустела, а все попытки отбиться от грозного неприятеля оборачивались провалом. Кольцо вокруг Константинополя неумолимо сжималось. Вдобавок ко всему в империи то и дело вспыхивали эпидемии чумы.

И вот в этот критический момент у византийской аристократии возникает идея обратиться за помощью к Папе Римскому. И сам римский епископ присылает своих легатов в Константинополь, предлагая провести Собор в Италии, чтобы объединить христианский мир и дать отпор туркам-мусульманам. Император и вся верхушка Константинопольской Церкви откликнулись на это приглашение. Но на Соборе все пошло совсем не так, как предполагали греки. Только преподобный Марк Эфесский, представлявший на этом Соборе православную сторону, остался верен Церкви и наотрез отказался идти на политический компромисс.

«До каких пор, поклоняющиеся Одной Троице, мы будем кусать и пожирать друг друга?»

Ранним утром 8 февраля 1438 года корабли с греческой делегацией прибыли в Венецию. На Собор собрались представители и других Поместных Церквей, а также митрополит Киевский и всея Руси Исидор.

«Я верил, что все у нас будет хорошо и мы совершим нечто великое и достойное нашего труда и надежд», — вспоминал впоследствии преподобный Марк.

Как и все царедворцы и епископы, он приехал Италию с глубокой убежденностью, что подлинное объединение с Западной Церковью возможно, более того — необходимо. И не только потому, что Византийская империя была на краю гибели. Люди, поклоняющиеся одному Богу, столетиями враждуют друг с другом, Единая Церковь расколота — не было ничего более важного и достойного, чем урочивать эту рану на Теле Христовом.

Но при этом преподобный Марк был уверен, что Рим пойдет на уступки, что он будет готов отказаться от своих неправославных позиций ради достижения единства. И диалог с католиками его совсем не пугал.

Святой был далек от многих сегодняшних ревнителей благочестия, у которых само присутствие «нечестивых» христиан вызывает отторжение. Наоборот, как мы увидим, общался с католиками он открыто и доброжелательно.

По прибытии грекам позволили отслужить литургию в знаменитом венецианском соборе святого Марка. «Мы увидели, — с болью вспоминает один из участников той службы, — в священном алтаре Божественные образы, мерцавшие золотой зарей и множеством

драгоценных камней, и величием, и красотой жемчужин, и достоинством и многообразием искусства изумлявшие видящих». То были иконы, оказавшиеся в соборе после Четвертого Крестового похода (1204), когда западные армии разграбили Константинополь, еще более углубив раскол в христианском мире.

В Великую Среду, 9 апреля состоялось торжественное открытие Собора.

«До каких пор, чада Одного Христа и одной веры, — говорил Марк Эфесский во время своего приветственного слова всем его участникам, — мы будем нападать друг на друга и разделять друг друга?»

В зале, заполненном до отказа, царила полная тишина, так что и дыхания, по воспоминаниям современников, не было слышно.

«До каких пор, — продолжал епископ, — поклоняющиеся Одной Троице, мы будем кусать и пожирать друг друга, неужто же мы истребим друг друга, так что внешние враги обратят нас в небытие?»

Голос святого дрогнул, когда он окончил свою речь словами: «Бог, могущий все, да исправит Церковь Свою, которую Он искупил Собственной Кровью». Слова эти, сказанные на Страстной седмице, прозвучали с особенной силой.

Византийский император, одобливший выступление епископа, распорядился, чтобы и дальше все дискуссии со стороны греков вел только преподобный Марк. Фактически он стал председателем греческой делегации, хотя его взгляды разделяли не все.

А затем началась нескончаемая череда соборных слушаний.

И чем дольше шли дебаты, тем яснее становилось епископам и богословам обеих Церквей, что все происходящее на Соборе — всего лишь декорация, за которой скрывается большая политическая игра. Императору во что бы то ни стало нужен был союз, Папе — повиновение всех Восточных Церквей. Реальные противоречия в важнейших вопросах веры католики обсуждать не хотели.

Преподобный Марк быстро это осознал, но сдаваться не собирался. Он штудировал латинские богословские книги, отмечал в них расхождения с постановлениями Вселенских Соборов или закраившиеся туда ошибки переписчиков, искажающие христианское учение. А потом на слушаниях последовательно разбирая принятые Римом догматы, противоречащие Преданию Церкви, и призывал Папу принять это во внимание и внести необходимые коррективы.

«Зачем нужно презирать слова святых отцов и мыслить и говорить другое, чем то, что написано в общем Предании? — вопрошал преподобный Марк. — Неужели мы будем полагать, что их вера была недостаточной и мы должны ввести нашу веру как более совершенную?»

Но все старания святого были тщетны: Папа и кардиналы от прямых ответов уходили, а симпатизировавших речам православного епископа католических монахов со слушаний и вовсе устранили. Собор зашел в тупик.

«Итак, мы ничего не сделали!»

Недовольство греков росло. Соотечественники роптали на преподобного, говорили, что он не думает о судьбе Отечества, что все эти богословские придирки не играют существенной роли, что главное — воссоединиться с Римом, и не так важно, на каких условиях.

Даже те, кто еще недавно поддерживали святого, теперь отмалчивались.

Наконец, терпение императора лопнуло. Собрав греческую делегацию, он гневно отчитал ее за любовь к спорам и потребовал в кратчайшие сроки довести дело до конца. «Лазейку» для догматического примирения с Filioque вскоре нашли, греческий вариант богослужения наряду с латинским узаконили, а на реальные глубокие противоречия просто закрыли глаза.

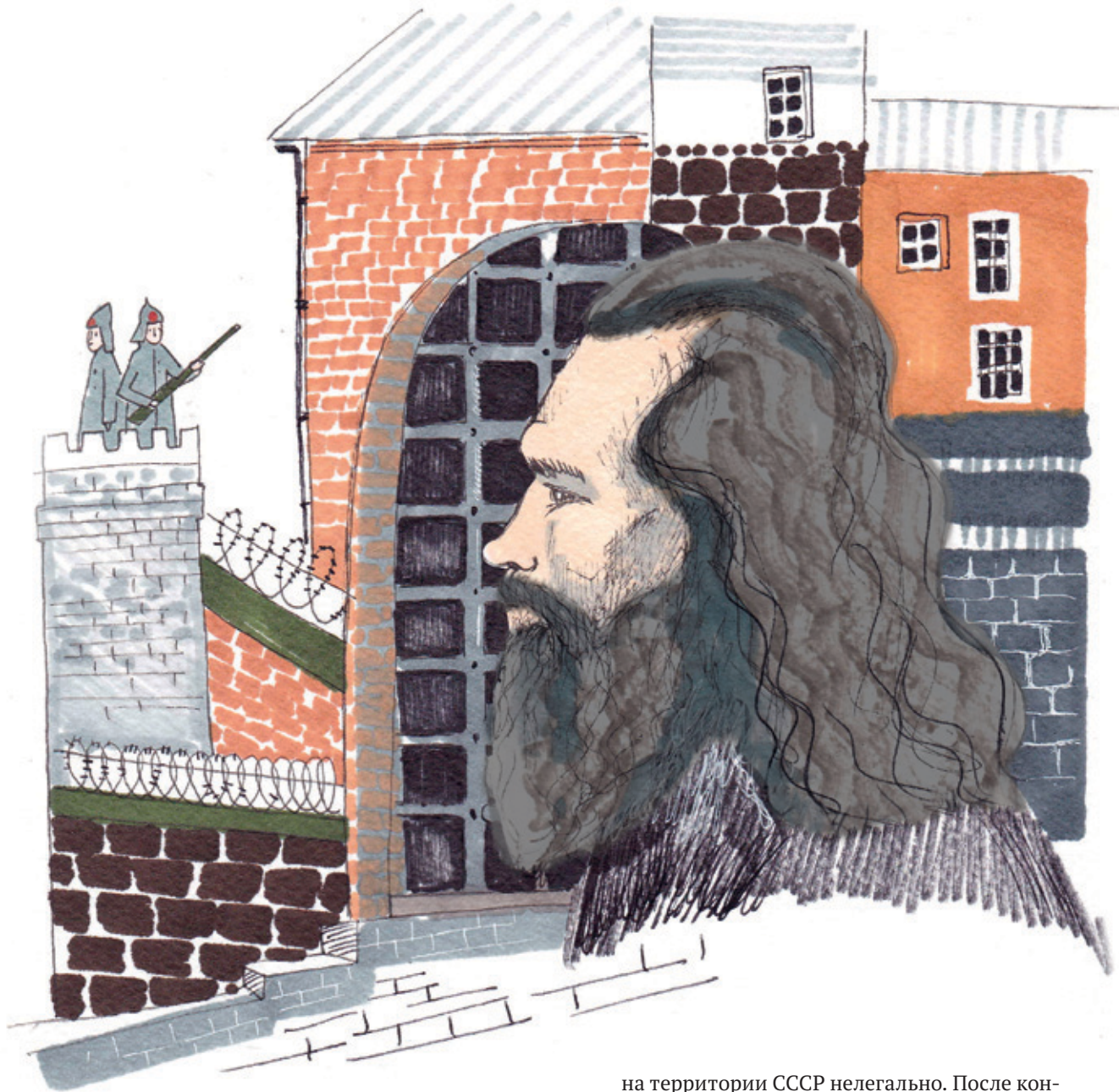
5 июля 1439 года было подписано догматическое определение Собора — уния. Епископы Константинопольской Церкви признали главенство Папы, зная, что это противоречит фундаментальному, идущему от самих апостолов принципу соборного управления Церковью. На последнем заседании Собора преподобный Марк впервые не произнес ни слова.

Он был единственным, кто отказался ставить подпись под унией, осознавая, к каким последствиям приведет *такой* мир с Римом. Воссоединение христианского мира произошло только на бумаге. Это понимали все. Даже Папа, увидев, что под итоговым документом Собора нет подписи преподобного Марка, разочарованно сказал: «Итак, мы ничего не сделали!»

В столице Византии решение Собора встретили с негодованием: по всей империи начались народные волнения. Впоследствии, в 1450 году, договор с Папой был разорван, да и большинство подписавших его епископов еще при жизни искренне раскаялись в содеянном. Примечательно, что вернувшийся из Италии в Москву митрополит Исидор, который как раз унию поддерживал, был через несколько дней арестован и отправлен в тюрьму, а позднее бежал в Европу и жизнь свою окончил кардиналом в Риме. Русская митрополия решение Собора признавать отказалась и ввиду того, что Константинопольская Церковь на десять лет оказалась в расколе, начала свой путь к обретению независимости.

Дни Византийской империи были уже сочтены. Защитники Константинополя после антиправославных решений Собора потеряли волю к сопротивлению. Через 14 лет Константинополь падет. И эта трагедия по сей день для многих христиан напрямую связана с принятием унии.

Всю свою недолгую оставшуюся жизнь преподобный Марк неустанно разъяснял губительность случившегося для Церкви. При дворе императора он стал персоной нон грата, пережил двухлетнее тюремное заключение, но даже на смертном одре не перестал думать

о благе Церкви, прося своих учеников добиться от Константинопольского Патриарха осуждения унии.

«Между светом и тьмой есть середина — называемая вечерними и утренними сумерками, — писал своему другу преподобный Марк после Собора, — однако между Истиной и ложью, как бы кто ни старался, не выдумает нечего среднее».

Не считая для себя зазорным общение с католиками, святой, однако, даже ради кажущегося блага Отечества не готов был идти на компромисс со своей совестью. Церковь всегда стояла у него на первом месте.

Священномученик Кирилл Казанский и «друзья» Советской власти

1927 год. Тысячи христиан в России расстреляны или находятся в ссылках и лагерях. Разорены и закрыты сотни храмов и монастырей. Само положение канонической «Патриаршей» Церкви

на территории СССР нелегально. После кончины Патриарха Тихона власть препятствует свободному избранию нового Первоиерарха. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Петр (Полянский) в тюрьме. Его заместитель митрополит Сергей (Страгородский) только-только вышел на свободу. Он испытывает на себе жесточайшее давление со стороны большевиков. Под угрозой расстрела родной сестры и всех арестованных архиереев от митрополита требуют официального заявления, в котором Церковь должна осудить все контрреволюционные выступления в стране и за ее пределами и объявить о своей полной лояльности советской власти.

29 июля опубликован документ, известный сегодня как «Декларация митрополита Сергея».

«Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, ... убийство ... сознается нами, как удар, направленный в нас», — говорилось в декларации, которая вызвала сильнейшее негодование среди многих представителей духовенства и мирян.

«За что благодарить? — вопрошал митрополита Сергея в своем послании священному- ➔

ченик Дамаскин (Цедрик). — За неисчислимые страдания последних лет? За храмы, попираемые отступниками? За то, что погасла лампада преподобного Сергия? ... За то, что замолчали колокола Кремля? За кровь митрополита Вениамина и других убиенных? За что?»

Началась церковная смута. Одни иерархи отказались от общения с митрополитом Сергием. Другие, наоборот, поддержали его. Тысячи верующих по всей стране оказались перед страшным выбором. Мы расскажем об одном из них — о выборе священномученика Кирилла, митрополита Казанского.

Священномученик под запретом

Во всех своих письмах владыка Кирилл никогда не позволял себе крайних и категоричных оценок, хотя и был в корне не согласен с действиями митрополита Сергия. «Да хранит всех нас Господь от всякой вражды и ненависти и да вразумит к взаимному пониманию, — пишет он в одном письме, формулируя свое отношение к заместителю. — Я ни от чего святого не отступаю и не отказываюсь, боюсь только приступить и прилепиться к тому, что считаю греховным в своей сущности; никого из братии не считаю мытарем и язычником, но воздерживаюсь от братского общения, не имея других способов обличать согрешающего брата».

Митрополит Кирилл критиковал митрополита Сергия за то, что он как заместитель превышает свои полномочия, что пока жив Местоблюститель Патриаршего престола — митрополит Петр, — Сергей не имеет права ни публиковать от лица Церкви подобных документов, ни тем более создавать свой Синод (что иерарх через некоторое время сделал). Сергей в условиях жесточайшего давления со стороны власти считал необходимым добиться функциональности церковной организации. Владыка Кирилл с этим был не согласен и считал, что важнее сохранить достоинство Церкви, ее свидетельство правды, пусть за это и придется заплатить имуществом, свободой и даже жизнью.

С мая по ноябрь 1929 года митрополит Кирилл вел переписку с митрополитом Сергием, пытаясь показать ему всю пагубность выбранного им пути. Но в ответ получал лишь угрозы о возможных канонических прещениях и требования подчиниться церковной дисциплине. В итоге митрополит Сергей предал его церковному суду, который уволил его от управления Казанской кафедрой, а затем и вовсе запретил в служении.

Тогда сдержанно, но твердо владыка Кирилл заявил: «Я в деле нравственно-архипастырского служения Святой Церкви, определяемого в своем внутреннем содержании не писанием резолюций и указов, а христианским душепастырством (1 Петр 5:2–3), остаюсь по-прежнему митрополитом Казанским и Свияжским для всех православных чад Церкви, не могущих разделять Ваши воззрения на церковные полномочия Ваши и на пути осуществления Церковью своего призвания в здешнем мире,

ибо воззрения эти нарушают правду Церкви и искажают Ее православное лицо».

«Вы не пушка, а я не бомба»

За 20 лет, прожитых митрополитом Кириллом при советской власти, 17 он провел в ссылках, тюрьмах и лагерях. Разные иерархи предлагали ему возглавить церковную оппозицию митрополиту Сергию, чтобы вместо него занять место главного епископа в Церкви, но владыка всякий раз отказывался. Приспосабливать свою совесть под политическую конъюнктуру он не мог и не хотел. Тем более он не считал для себя возможным путем принуждения и насилия добиваться Патриаршего престола, хотя по завещанию святителя Тихона имел на него все права.

В 1927 году — митрополит Сергей в это время еще находился в тюрьме — сотрудник ГПУ (Государственное политическое управление) Евгений Тучков предлагал владыке Кириллу при поддержке этой организации стать Патриархом, если тот будет неукоснительно согласовывать свою церковную политику с ГПУ.

«Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь», — объяснял Тучков.

«Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да, — отвечал митрополит. — В противном случае я скажу: “Брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать”».

Но Тучкову такая формулировка не понравилась.

«Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами, и найти соответствующее обвинение».

«Евгений Александрович, Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь», — отрезал владыка Кирилл. После этой беседы он немедленно был отправлен в очередную ссылку — в Сибирь.

1937 год стал для исповедника последним. Митрополит Кирилл был арестован. Ему инкриминировали подготовку «повстанческого выступления против советской власти» и «установления патриаршества и главенства церкви над государственной властью». В полночь 20 ноября священномученик был расстрелян.

Многие из тех, кто поддержал митрополита Сергия, и тех, кто разорвал с ним общение, были впоследствии канонизированы. Споры же о том, насколько оправданными были действия заместителя Патриаршего Местоблюстителя, не угадают до сих пор. Начавшаяся в те годы смута преодолевалась медленно...

В 2000 году митрополит Кирилл Казанский был прославлен в лике святых. О прещениях, наложенных на него митрополитом Сергием, никто даже не вспомнил. **✠**

Тихон Сысоев
Рисунки Галины Воронецкой